

Она теперь знает, как разговаривать и узнавать людей — всему этому её учил Даос Сюй, причём с таким терпением, какого у меня, родной матери, не было, когда я пыталась её чему-то обучить. Посмотри, Сяошэн, посмотри, какая она теперь разумная. Даже красные нити нам всем сплела, говорит, для защиты и спокойствия. Поумнела наша девочка. — Говоря это, она захлебнулась рыданиями.

Внезапно в разбитое оконное стекло ворвался порыв ветра, взметнув занавески.

Лу Угуй произнесла:

— Ветер поднялся.

Она стояла посреди комнаты, прислушиваясь к звукам снаружи. Она слышала, как человек ушёл за удобрениями, но не слышала, чтобы он вернулся. Расстояние до уборной и обратно — сущий пустяк, даже если бы он решил там основательно засидеться, давно бы уже вернулся. Она добавила:

— Тот человек больше не вернётся.

Чжуан Фуцин вздрогнул и спросил:

— Кто?

— Тот, что пошёл за удобрениями. Он не вернётся, — повторила Лу Угуй.

Чжуан Фуцин нахмурился:

— Не говори ерунды.

Вдруг снаружи раздался истошный крик:

— Что ты делаешь! Отпусти! Это же твоя мать!

— Ой, мамочки, да он, похоже, одержим!

— Пусти, убери руки!

— Какая же у него силища!

— Он же сейчас задушит её!

Ругань сменилась паническими воплями. Кто-то закричал:

— Не иначе, как злой дух вселился!

— Одержимость призраком!

— Мамочки, призраки!

Послышался топот ног — люди в ужасе бросились врассыпную.

Жена Чжуан Фуцина, сидевшая на краю кровати, вскочила, прислушиваясь к шуму снаружи:

— Ох, боюсь, там стряслась беда!

— Чёрт возьми! Дядя, зачем ты схватил нож? Брось его!

— Убивают! Мой дядя хочет меня зарезать, спасите!

Чжуан Сяошэн, слушая этот хаос, посмотрела на Лу Угуй. Та стояла посреди комнаты, сосредоточенно прислушиваясь. Сяошэн спросила:

— Что происходит? Что там случилось?

Лу Угуй ответила:

— Кто-то одержим призраком, душил другого, кажется, это мать и сын. Кто-то в испуге пытался убежать, но попал в Призрачную стену. Они бегают кругами вокруг нашего двора, так они до смерти загоняют себя. А ещё один человек, тоже одержимый, гоняется за людьми с ножом.

Чжуан Фуцин спросил:

— Может, выйти посмотреть?

Едва он закончил фразу, жена вцепилась ему в руку.

Снаружи снова слышались крики:

— Фуцин, открой дверь, спаси нас!

— Фуцин, выручай, это я, твой старый знакомый Сюй! Мы же с тобой в начальной школе вместе учились!

Кто-то колотил в ворота, пытаясь прорваться внутрь.

— А-а-а!

Раздались вопли и звуки драки.

— Эр-я, Чжуан Эр-я, открой дверь!

Кто-то во дворе взревел:

— Чжуан Фуцин, ты не можешь стоять в стороне, когда люди гибнут! Чтоб ты сдох! Открывай!

— В конце голос сорвался на рыдания.

Чжуан Фуцин побледнел, от этих криков его пробирала дрожь. Он машинально потянулся, чтобы отодвинуть стол, преграждавший путь.

Как только его пальцы коснулись столешницы, Лу Угуй прижала ладонь к столу и яростно затрясла головой:

— Нельзя открывать!

— Там столько людей попало в беду, мы же... мы не сможем... — начал Чжуан Фуцин.

— Нельзя открывать дверь, — отрезала Лу Угуй.

Жена Чжуан Фуцина крепко держала мужа:

— Фуцин, снаружи же нечисть! Сяошэн и Эр-я — девушки, что с ними будет, если они пострадают?

— Мама! — раздался душераздирающий вопль, такой страшный, будто человек увидел нечто запредельно ужасное.

Следом кто-то закричал:

— Проклятый выродок! Ты задушил свою мать, а теперь ещё и тащишь тело отца!

Этот голос был полон такого животного ужаса, что у слушающих волосы вставали дыбом.

Чжуан Фуцин взмолился:

— Нельзя же просто смотреть, как они гибнут, придумай что-нибудь!

Лу Угуй внезапно крикнула:

— Бегите! Бегите в комнату дедушки!

Послышались шаги — несколько человек вбежали в комнату деда, а затем раздался грохот захлопнувшейся двери.

Чжуан Сяошэн, напуганная происходящим, схватилась за руку Лу Угуй:

— Что происходит?

Лу Угуй в два шага подошла к окну, раздвинула занавески и в тусклом свете уличного фонаря увидела, как сын Лао Цая, прижавшись спиной к спине отца, тащит его по двору. Его ноги волочились по земле, руки намертво вцепились в запястья Лао Цая. Отец и сын, словно

слившись в единое целое, преследовали людей. Двигались они медленно, но выглядело это до жути страшно.

Все, кто бегал по двору, добегая до выхода, сворачивали в сторону — они никак не могли выбраться за ворота.

Сяошэн взглянула лишь раз и побледнела. Она отпрянула вглубь комнаты, схватила лежащий на столе Лопань, и её руки затряслись. Держа компас, она вдруг заметила, что стрелка вращается как сумасшедшая.

— Э-э-эр... Эр-я... — прошептала она, дрожа всем телом. Пытаясь успокоить себя, она пробормотала: — Нет, нет... не бойся... это просто... магнитное поле...

Чжуан Фуцин тоже увидел это:

— Это... почему Лопань так крутится?

Лу Угуй забрала у Сяошэн компас, всучила ей зеркало Багуа и сказала:

— Если боишься, держи это.

Жена Чжуан Фуцина, увидев зеркало у дочери, тоже захотела вооружиться. Она огляделась, увидела даосский колокольчик и схватила его. Стоило ей поднять его, как раздался резкий звон.

Крики снаружи внезапно стихли.

Лицо Лу Угуй побелело, она резко обернулась к жене Чжуан Фуцина:

— Зачем ты трясёшь колокольчик призыва души!

Женщина затряслась ещё сильнее, колокольчик в её руках не умолкал. От рыка Лу Угуй и её свирепого взгляда она вздрогнула, и звон стал только громче.

Теперь не только Лу Угуй, но и остальные услышали, как шаги во дворе направились к их комнате.

Жена Чжуан Фуцина, дрожа как осиновый лист, заикаясь, пролепетала:

— Я... я не трясла... он сам... сам зазвенел...

Лу Угуй вырвала колокольчик из её рук и с грохотом бросила на стол:

— Это колокольчик призыва души! Стоит ему зазвенеть, всё, что есть вокруг, сбегается сюда!

Женщина в изнеможении осела на пол.

Лу Угуй оглядела комнату, выудила из кучи бумаги талисман изгнания зла и отвода проклятий и сунула его в руки жене Чжуан Фуцина:

— Держи этот талисман.

— А... а мне? — спросил Чжуан Фуцин.

Лу Угуй дала талисман и ему.

Она боялась, что от страха у них души в пятки уйдут, поэтому дала им хоть что-то для успокоения. Хотя, по правде говоря, в руках у тех, кто не умеет ими пользоваться, талисманы — не больше чем обычная обёрточная бумага.

Громкий удар! Кто-то снаружи начал таранить дверь в спальню Лу Угуй.

От внезапного грохота семья Чжуан Фуцина вздрогнула и в ужасе уставилась на дверь.

Все крики во дворе стихли, топот бегущих ног прекратился, но дверь в комнату Лу Угуй сотрясалась от мощных ударов, будто в неё ломилось сразу несколько человек. Дверная рама ходила ходуном, с потолка сыпалась побелка и крошка цемента.

— Бах!

С каждым ударом дверь и подпиравший её стол вздрагивали.

— Бах!

— Бах!

Каждый удар отдавался прямо в сердце.

Их дверь была самой дешёвой, из тонких досок — как ей выдержать такой напор? Вскоре в ней появилась щель, через которую можно было разглядеть чёрную фигуру, продолжавшую таранить дерево.

Жена Чжуан Фуцина взвизгнула.

Чжуан Фуцин, непонятно откуда набравшись храбрости, бросился вперёд, всей силой навалившись на стол.

Он упирался в него под углом в сорок пять градусов, но сила снаружи была куда больше. Дверная щель становилась всё шире.

Лу Угуй ясно видела, как в проёме показалась почерневшая от удара молнии физиономия Лао Цая, а сын, припав к его затылку, изо всех сил давил на дверь. Рядом с ними ломились ещё несколько родственников семьи Лао Цая.

Щель стала достаточно широкой, чтобы пролезть человеку. Сын Лао Цая, толкая перед собой тело отца, пытался втиснуться в комнату — даже чернильный шнур не мог его удержать.

Лу Угуй схватила лежащую у кровати ритуальную линейку, бросилась к Лао Цаю и изо всех сил огрела его по лбу.

— Бах! — раздался звук удара. Голова Лао Цая откинулась назад, и стоящий за ним сын вскрикнул, отступая на шаг.

Лу Угуй подумала: Раз уж вы так хотите войти, я вас впущу! Она во весь голос крикнула:

— Чжуан Фуцин, отойди!

Чжуан Фуцин, уже выбившийся из сил, поспешно отскочил.

Стол, лишившись опоры, был отброшен дверью. В проёме показались четверо родственников Лао Цая. Их лица были искажены злобой, глаза остекленели, они рвались в комнату, точно одержимые демонами. Чжуан Фуцин с воплем скатился в угол. Его жена зашлась в нечленораздельном крике.

Чжуан Сяошэн закричала:

— Эр-я, твоё зеркало Багуа вообще помогает?

Она направила зеркало на проём, но никто из них не остановился! Не дождавшись ответа, она увидела, как Эр-я с размаху пнула одного из нападавших, вышвырнув его за дверь.

Затем она увидела, как Эр-я, словно пьяная или совершающая странный ритуал, начала двигаться по комнате. В её руках мелькала линейка, рассекая воздух со свистом. Стоило ей ударить кого-то, как тот отлетал назад, будто мячик. Но спустя мгновение они снова лезли внутрь.

Сын Лао Цая с телом отца был самым агрессивным, и доставалось ему больше всех.

Сяошэн не знала, то ли из-за того, что череп Лао Цая был повреждён молнией, то ли ещё почему, но она увидела, как Эр-я ударом линейки буквально снесла кусок черепа Лао Цая, и наружу брызнуло содержимое...

Внезапно Эр-я рявкнула:

— Ах ты, злюка! — Она сделала ловкий выпад, схватила сына Лао Цая за плечо и с силой

дёрнула, втаскивая их обоих в комнату.

Раздался громовой раскат, и с потолка ударила ослепительная вспышка молнии.

Звук был такой, что у Сяошэн заложило уши, а в глазах поплыло от яркого света. Волосы встали дыбом от статического электричества, тело пронзило онемение, а с потолка посыпалась черепица!

Спустя некоторое время Сяошэн открыла глаза.

Она увидела тело Лао Цая, распростёртое на полу, а рядом — его сына, который всё ещё содрогался в конвульсиях, с пеной у рта и закатившимися глазами. Вокруг валялись обломки черепицы, щепки и чёрная пыль. Сяошэн подняла голову и увидела в потолке дыру, такую же, как в главной комнате, с такими же опалёнными краями.

Четверо родственников Лао Цая лежали без сознания у порога.

Внезапно снаружи раздался вой, какого Сяошэн никогда прежде не слышала — леденящий душу, особенно жуткий в такую ночь.

Она увидела, как Эр-я резко обернулась к выходу и крикнула им:

— Прячьтесь на мою кровать!

Не успела она опомниться, как отец, перекатываясь и спотыкаясь, подтолкнул её к кровати Лу Угуй, а затем затащил туда же обессиленную от ужаса мать. От страха отец действовал слишком грубо, и Сяошэн чуть не упала. Поднявшись, она увидела, как Эр-я с линейкой в руках бросилась к дверям. Она замахнулась, и в этот момент мимо промелькнула жёлтая тень, приземлившись на стол, а затем на пол.

Сяошэн разглядела, что это животное размером с собаку. Шерсть была жёлтой, а на спине виднелось огромное опалённое пятно — след от ожога. И тут она увидела, что Эр-я улыбнулась.

Лу Угуй, глядя на обожжённую хуанпицзы, довольно произнесла:

— Ну вот, я же говорила! Пусть в моём доме и много иньской энергии, но не настолько, чтобы трупы оживали сами по себе. Значит, это тебя вчера молнией приложило!

Сяошэн увидела, что в дверях появилась ещё одна жёлтая тварь.

— Там ещё одна! — крикнула она.

Не успела она договорить, как зверь прыгнул на Лу Угуй. В то же мгновение тот, что был в комнате, тоже бросился в атаку.

Лу Угуй парировала линейкой, но зверь извернулся в воздухе. В следующую секунду вторая тварь полоснула её по спине. Джинсовая куртка была разорвана, на спине Эр-я выступила

кровь. Но Сяошэн было не до ран — она увидела, как в комнату, словно в зоопарке, ввалилось больше десятка таких же жёлтых существ, окружив Эр-я.

— Папа, что это за звери? Почему их так много в доме? — закричала Сяошэн.

Чжуан Фуцин, съёжившись на кровати, дрожащим голосом прошептал:

— Хуан... Бессмертный Хуан! — Он закричал: — Эр-я! — А затем опустился на колени и начал отчаянно бить поклоны: — Великий Бессмертный, пощади! Наша Эр-я глупая, она ничего не понимает! Если чем обидела — прости, я кланяюсь тебе в ноги...

Вслед за отцом к молитвам подключилась и мать.

Лу Угуй вдруг закричала:

— О, я поняла! Какие же вы хитрые, использовали Лао Ця, чтобы пробить мою защиту от молнии!

Сяошэн видела, как обожжённая хуанпицзы оскалилась на Лу Угуй, издавая низкий рык.

— С чего бы мне отдавать вам то, что оставил дедушка! — воскликнула Лу Угуй.

Чжуан Фуцин закричал:

— Эр-я, чего они хотят? Отдай им, пусть уходят!

Лу Угуй не слушала его. Она крикнула на обожжённую тварь:

— Я вам не дурочка! — И, вышагивая странным шагом, бросилась в атаку.

Стоило ей двинуться, как вся стая бросилась на неё.

Лу Угуй, используя странные шаги, проскакивала между ними, вступая в схватку. Но против целой стаи одной было не выстоять — вскоре её спина, ноги и руки были в крови.

Сяошэн вспомнила смерть Даоса Сюя — он ведь тоже погиб, весь израненный. Она не могла просто смотреть, как Эр-я гибнет...

— Папа, помоги! — крикнула она, спрыгнула с кровати, схватила швабру и бросилась на хуанпицзы.

Чжуан Фуцин, придя в себя, спрыгнул с кровати, схватил мотыгу, которой Даос Сюй окучивал овощи, и с размаху пригвоздил одну из тварей к полу.

Увидев, что муж и дочь вступили в бой, жена Чжуан Фуцина перестала бояться, схватила коромысло и, зажмурившись, начала яростно махать им во все стороны.

Звери были очень быстрыми. Кроме той первой, которую удалось убить, остальные уворачивались. Но теперь им приходилось отвлекаться, и строй нарушился.

Сяошэн, хоть и была слаба, орудовала шваброй, отгоняя зверей и прикрывая Эр-я. Она видела, как Эр-я, двигаясь в странном танце, наносила удары линейкой. Каждый раз, когда линейка касалась головы хуанпицзы, та отлетала в сторону, а отец тут же добивал её мотыгой, отделяя голову от тела.

Обожжённая хуанпицзы с пронзительным визгом бросилась на Чжуан Фуцина.

Лу Угуй в один прыжок оказалась рядом и ударом линейки отправила тварь в полёт.

Затем Лу Угуй внезапно замерла, выпрямилась, сложила два пальца левой руки и провела ими по линейке, которую держала в правой.

Сяошэн слышала, как она быстро забормотала:

— Первым движением усмиряю небо и землю, вторым движением линейки призываю богов...

Слова слились в неразборчивый поток, и в одно мгновение, когда пальцы коснулись дерева, она выкрикнула:

— Смилоствиться! — и с силой взмахнула линейкой, словно выпуская стрелу в упавшее животное.

Хуанпицзы, извиваясь, вскочила и, не оглядываясь, бросилась к выходу с такой скоростью, что исчезла в мгновение ока. Остальные звери, давя друг друга, последовали за ней.

Лу Угуй с досадой взмахнула линейкой:

— Не попала! — затем опомнилась: — Ой, забыла! — и снова что-то забормотала.

Сяошэн интуитивно поняла: сначала Эр-я призывала богов, а теперь — отпускала их.

Вся стая пришла и ушла так быстро, что если бы не пять туш, оставшихся на полу, Сяошэн подумала бы, что всё это ей приснилось.

Жена Чжуан Фуцина, всё ещё сжимая коромысло, недоверчиво посмотрела на Лу Угуй:

— Эр-я, ты что, теперь тоже Бессмертная?